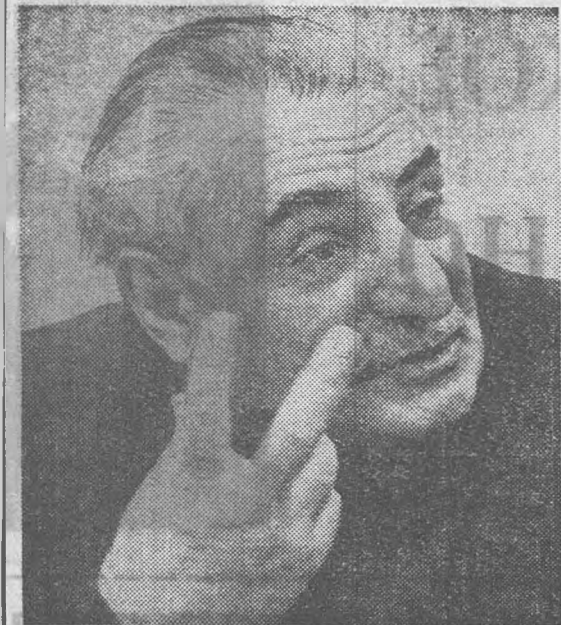

МАСТЕР

ТРУДА

—1—

СЛЫШАЛ я как-то такую фразу: «Серго Закариадзе — баловень судьбы: стоило ему сняться в «Отце солдата», и будто по мановению волшебной палочки пришли признание, слава, все то, о чем только может мечтать человек и художник». Да, действительно, его Георгий Махарадзе был назван выдающимся созданием, признан лучшей мужской ролью на IV Московском международном кинофестивале. Затем артист был удостоен высшей награды — Ленинской премии...

Слава Серго Закариадзе перешагнула границы страны. Можно без преувеличения сказать, что планета склонилась перед отцом солдата. Произошел тот редкий случай, когда артист и роль оказались отождествленными в художественном сознании зрителя, а образ выглядит порождением не искусства, а самой жизни.

«В почте Закариадзе есть поразительные признания людей разных наций — грузин и русских, узбеков и латышей, англичан и итальянцев, французов и немцев: каждый из них с радостным удивлением узнает в отце солдата черты своего родного отца. Этим летом вдова фронтовика из одного грузинского селения, неудовлетворенная решением местных властей по какому-то вопросу, велела сыну: «Поезжай в Тбилиси, к Отцу, он поможет!...». Сын не спрашивал, о ком идет речь, он разыскал Закариадзе и сказал: «Отец! Вы воевали под Берлином вместе с моим отцом, он не вернулся, на вас вся надежда»...

И ВСЕ же Сергей Александрович не из числа тех счастливиц, которым просто везет в жизни. Да, биографическая канва у него выглядит вполне благополучно. Искусству театра его учил замечательный режиссер Котэ Марджанишвили, ему покровительствовал прекрасный актер Ушанги Чхеидзе, в партнерах у него были самые лучшие артисты Грузии, он играл центральные роли в таких театрах, как марджановский и руставелиевский, играл что хотел — трагедийные, драматические, комические роли, за

—2—

образ Дементия («Из искры») получил Государственную премию, второй был удостоен за роль Джапаридзе из «Секретаря райкома».

Успешно выстраивалась и его кинематографическая судьба. Еще юношей он снялся в «Трубке коммунара», поставленной К. Марджанишвили, но настоящим дебютом его можно считать «Последних крестоносцев» — первую картину режиссера Сико Дolidze. Зрители заметили молодого Торган, пылливо вглядывавшегося в приметы новой жизни. Вслед за ним последовал Симон из «Дарико» — веселый и добрый юноша, пришедший в революцию на борьбу с самодержавием. Лукавый царедворец, тщеславный князь Бараташвили («Георгий Саакадзе»), пламенный патриот, красавец Багратиони («Фельдмаршал Кутзов»), мудрый старец Лаоникус («Скандербег»), дряхлый, но сильный духом Георгий («День первый, день последний»), бедняк Иванэ («Палиастомия»), жестокосердый кулак Алмасхан («Встреча с прошлым») и другие образы — какая это чудесная галерея, то писанных маслом, то высеченных резцом, живых и жизненнатыных характеров.

И все это создано Серго Закариадзе!

Но какою ценой...

ИСТИННЫЙ художник — всегда мастер труда. Закариадзе же — подвижник. При всей даровитости он никогда не надеется только на вдохновение, не рассчитывает, что все уже сделано автором или что все еще сделает режиссер, и хотя и не отказывается от их помощи, в основном надеется только на себя, на свой труд.

Добрый человек, он зол в работе, отзывчивый товарищ, он нетерпим и бескомпромиссен в коллективном творчестве театра и кино. С ним нелегко. А легко ли ему с самим собой — он требует от себя полной отдачи сил. И что хуже всего, он всегда недоволен сделанным (видимо, потому и не любит смотреть свои фильмы).

С ним интересно, он из тех, кто обогащает себе-

—3—

седника. Но как часто во время разговора он «улетает» куда-то в замысел, в образ, в поиск детали, на который способен потратить уйму времени. Так, мелодию песенки короля Лира он «искал» три недели, будя домашних среди ночи, пугая соседей в троллейбусе.

О его любви к искусству и дьявольском терпении свидетельствует такой, например, эпизод. Марджаншвили не приглянулся черный от загара, угловатый юноша, каким пришел в театр Закариадзе. Репетируя сцену заключенных из «Гоп-ля, мы живем!», режиссер уложил Закариадзе на пол ничком, забил про него, а только через два часа предложил ему повернуть голову и взглянуть на своего тюремщика. Измученный и обозленный. Закариадзе сосредоточился, вскинулся и так саеркнул своими громадными глазами, что режиссер вздрогнул, присмотрелся и так вдруг пленился молодым статистом, так привязался к нему после этого случая, что через два года поручил ему роль Карла Моора в «Разбойниках».

Все время актера отдано делу, работе. Он всегда и весь в поиске. Есть актеры, мудрствующие лукаво, использующие свой ум на поиски десятого, двадцатого, вовсе уж и не нужного смысла. Есть другие, мудрящие — по недостатку мудрости мистифицирующие умственность. Закариадзе не мудрствует и не мудрит, но идет до конца в поисках правды жизни и философской истины, породившей драматургический образ, который ему предстоит сыграть. Идет дальше пьесы, дальше сценария, чутко улавливая звучание жизни, дыхание времени.

НЕ ВНЕШНЕЕ, формальное разнообразие ищет Закариадзе в своих образах. Он верит в гармонию внутреннего мира человека. Отсюда характерный для творчества Закариадзе сплав современности с историзмом, умение вскрыть в современном герое истоки его бытия и мировоззрения, то традиционное, что сложилось в народе веками, и то новое, что во-

—4—

шло в его плоть и кровь, умение взглянуть из сегодня на исторического героя без модернизации, но с точки зрения современности.

Так, в разгар войны, он лепил своего Багратиони в полном соответствии с характером прототипа, извлекая из облика бесстрашного человека столь дорогое для наших современников высокое чувство патристического служения России, которым был движим всегда и во всем замечательный полководец.

Так, спустя двадцать два года, он создал совершенный образ нашего современника Махарашвили, в котором исторически сложившиеся черты национального крестьянского характера, выработанного упорным трудом на земле, чувством долга и ответственностью перед жизнью и людьми, способностью защищать свой край, свой дом, ярко проявились в новом, советском качестве.

Только крестьянин, любящий «землю, которую вынчанчил», может собою гасить горящий хлеб, но нужно жить в Советской стране, чтобы ринуться в битву с чужеземцем не за свое селение, а за всю землю. Нужно веками выработанное крестьянское упорство и терпение, чтобы так спрессовать свою волю и пробиваться к цели; но ощутить себя человеком среди людей, дотеле неизвестных, иных по языку, быту, привычкам, дано лишь советскому крестьянину.

СТАЛА банальной похвала артисту: он не играет, а живет в образе. Но как определить ту полную незаисимось Закариадзе от съемочного аппарата, когда кажется, что его снимают скрытой камерой? С другой стороны, как не сказать, что Закариадзе играет, когда его лучшие создания не только результат полного перевоплощения в образ, но и следствие тончайшей актерской обработки, шлифовки, чеканки? Вдохновение — это внезапное проникновение в истину, но лишь тот способен ее постигнуть, кто идет к ней долгим и тернистым путем труда и поисков. Так, как идет в искусстве Серго Закариадзе.

М. ЛЕВИН.